

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Май-70

Весна, весна!

Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно,
как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь
забытые слова.

А. БЛОК.

Май-70

Васил Цонев.

Человек, который знает все

Человек, который знает все, сидит на скамейке и радостно глядит перед собой.

— Да-а... — кивает он головой в такт песенке соловья, — да-а, я знаю все, все знаю, да-а... И могу дать доказательство этого. Я знаю, например, почему сосед Мишев женится на вдове, знаю, да-а... Не на ней он женится, а на ее доме. Хороший дом, двухэтажный, его в любой момент можно продать за солидную цену... Еще я знаю, почему сосед Петров каждый день почу-

пает цветы своей жене, и это я знаю, да-а... Хе-хе, дело простое: он бежит к другой женщине, а цветы покупает жене, чтобы отвести ей глаза. Видите, как много я знаю... А вот тот парень с белыми зубами, чего он каждый день ходит зубы лечить? Не знаете? А я знаю. Он ходит лечить зубы, когда зубного врача дома нету... Хе-хе...

Но вдруг он замирает. Мимо него проходят обнявшись парень и девушка...

Юной пары уже давно и след простыл, а человек, который знает все, сидит с вытаращенными глазами и не может прийти в себя: «Какого дьявола эти двое идут обнявшись? Он — делопроизводитель, она — счетовод, оба низкооплачиваемые. Оба снимают углы у чужих людей. У обоих нет ни лева на берегательной книжке... Они ничего не имеют! Почему они обнимаются? Какая тут выгода ей и ему? Пожалуйста, объясните! Э-эй!»

Перевел с болгарского Н. ЛАВРОВСКИЙ.

Случилось неожиданное: доселе неподвижная, молчаливая березка вдруг повернулась другой стороной, такой, что Андрей удивился — неужели другие не замечают? Пусть знают все. И газета Кондинского района, в котором родился Андрей, печатает его первое стихотворение, первый шаг в открытии новой державы — поэзии.

«Лирики тепло живое» согревало северянина и в Ханты-Мансийске (в этом городе он учился в педучилище), и в Ленинграде, где перед ним гостеприимно распахнул двери педагогический институт имени Герцена. Андрею запомнился как своегобразный лицей: в те годы в его стенах учились Ритхеу, Юван Шесталов, Владимир Санги, те, кто сейчас составляет цвет северной литературы. С тех пор Тарханов постоянно в поэтической среде, его стихи доходят до большого читателя. Они опубликованы и в сборнике «Север поет» (он явился результатом I конференции писателей Севера, 1961 год), и в других поэтических сборниках: «Говорит мое поколение», «Небо у ног», «Под северным солнцем». А в 1963 году Тюменское издательство выпустило книгу по-

эта «Первая завязь», «Солнечное восприятие мира» — так определила общую ее тональность критика. А сам Андрей называет ее той завязью, из которой впоследствии разовьется плод — главная книга всей жизни, которая, конечно, впереди. Новым этапом по пути к ней поэт считает учебу на Высших

курсах сценаристов и режиссеров. Величайшие достижения мирового искусства расширили и углубили знания о мире.

— Но почему все-таки кино, Андрей? Ведь это совершенно особая, обособленная область искусства, которая настолько стала самостоятельной, что ее синтез с другими областями невозможен.

— Всегда нет. В кино заложено столько для души человека, что изучение его возможностей займет немало времени. Именно эти скрытые потенции и привлекли меня, поэзия кино заполнила всего; на мой взгляд, синтез возможен. По крайней мере, те поэтические об-

разы, которые жили во мне, получили теперь не только чувственное, но и зрительное воплощение.

— Вы работаете как сценарист?

— Разумеется. И как редактор литературно-драматического отдела Ханты-Мансийской студии телевидения.

— А поэзия?

— Она не заброшена. Готовлю к печати сборник «Утренний бор». Кроме того, пишу повесть «Наследник оленьей тропы». Что можно сказать о стихах Андрея Тарханова? Конечно, любые стихи каждый воспринимает по-своему. Но я не ошибусь, если скажу, что в многоголосом эмоциональном звучании различных стихотворений четко выделяется один — философский. Даже пейзажная лирика — философская. Сравнительно незначительный жизненный факт, событие становятся поводом для размышлений.

Тема обращения к прошлому своего народа (Тарханов по национальности манси) занимает значительное место. И тем не менее главное для него — дышать воздухом века.

А. ФЕДОРОВА.

Знакомьтесь: Андрей Тарханов

Тишина

Предгромовая тишина.
Она
Малиной дикой
жадно дышит.
И, непочтой музыки полна,
Идет дорогами неслышно.
Ласкает,
Будто мать своих детей,

На всех путях людей
простоволосых,
Она их укрывает от дождей
И сушит поцелуем
что-то слезы..

Ни звука.
Пьет малиновый настой
Земля,
Она от молний поседела.
И на ресницы девочки босой,
Как бабочка,
дождинка прилетела...

Я взял с собой в дорогу
нежность,
Она заботами горит:
В моей душе,
Душе добрейшей
Зеленогрудый ястреб спит.
А вдруг проснется этот ястреб

От крика боли за тебя?
А вдруг жестокий
этот ястреб —
Мое обличье, суть моя?
И нежность не найдет
согреться
Огня с тех пор в моем краю...
Когда проснется ястреб этот,
Я, как врага, его убью.

Мелодия Брамса

От восторга лес стоит в слезах,
И пригхла, как струна, река,
От мелодий Брамса в небесах,
Будто льдины, тают облака.
Мы с тобою выйдем в алый бор,
Музыки услышим разговор,
И откроют нам свои глаза

И цветы, и птицы, и роса.
Наши думы далеко в горах,
Наши думы в Венгрии сейчас,
Где заря румянится в садах,
Где родились Петефи и Брамс.
Как и в те далекие года,
От мелодий Брамса в небесах
Каждая задумалась звезда,
От восторга лес стоит в слезах.

Свадебные кони

Кони ярые,
Кони черти,
Сбруя в бантах и лентах вся.
Мое сердце не хочет верить,
Что сегодня свадьба твоя.
Кони мчатся,

и я с дороги
Отступаю в глубокий снег.
Гармонист —
здоровяк высокий —
Рассыпает счастливый смех.
Ну а ты
в свою шаль-подарок
Что потупила,
скрыла взгляд?

Кони шальные,
Кони ярые,
Кони свадебные летят.

«ДЕРЕВО-ЗМЕЯ».

ФОТО Н. ЛАДОХИНА,
прораба управления строительства ГРЭС.

Почему?

Весна устроила море прямо на площади города. Оно сверкало под солнцем и волновалось под ветром, как наеющаяся. Прохожие, весело чертыхаясь, уклонялись от брызг и, прижимаясь к заборам, пробирались по узенькой полоске «берега».

Вдруг послышался крик: «Стой, проклятая!» Я оглянулась. Распушив хвост, на залитую площадь мчалась с соседней улицы крупная каурая лошадь, а за ней — громко топая сапогами и махая руками, мужик. Перед водой она на секунду остановилась, потом скакнула в зеркало моря. Она, наверно, никого не видела в эти минуты: теплый, пьяный ветер забивал ей ноздри, путал гриву, с коньт звонко падали светлые стеклянные осколки, и весь мир был такой же, как в детстве, — непонятный, манящий и пугающий. Как будто она — жеребенок, и существует только упоительное чувство легкости и бега, и послушные ноги, как близнецы, унесут ее хоть на край свега.

Колошившийся рядом с мамашей четырехлетний человек в изумлении вытаращил глаза. «Ребенок понял ее», — подумала я. Но... он громко вскрикнул, уцепившись за мать: «Почему лошадка одна?»

И лошадь, как будто поняв и устыдившись, побежала тяжело и неуклюже, потом вышла на сухое место и остановилась, понуро опустив голову. Подоспевший запыхавшийся мужик со злостью пнул ее в живот.

А. БЕЛОВА.

«ВЕСЕЛАЯ МИНУТА»

Фото В. СЕГАЛА, заместителя начальника СК-53.